

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрение структурных типов предложений классического египетского языка не представляет трудностей. Судя по языку письменных памятников, в египетском языке господствовало двусоставное предложение, т.е. предложение, составленное по следующему положению членов структурной основы: сказуемое — подлежащее (С—П) или подлежащее — сказуемое (П—С).

Среди двусоставных предложений в соответствии с тем, чем выражено сказуемое, ясно выявляются три типа предложений:

I. Неглагольные, т. е. предложения, в которых сказуемое выражено не глаголом, а другими частями речи (см. ниже).

II. «Ложноглагольные», в которых в качестве сказуемого выступает либо предложная группа инфинитива, либо глагольная форма качества и состояния («старый перфект»).

III. Глагольные, в которых сказуемое выражено глагольной формой личного местоименно-суффиксного спряжения или формой 1-го л. ед. ч. глагольной формы качества и состояния.

Таким образом, типов предложений в египетском языке значительно меньше, чем типов сочетаний слов. Только среди подчинительных сочетаний слов по способу выражения синтаксической связи между членами словосочетания можно выделить шесть видов: аналитически соположенные, *n*-словосочетания, согласованные, аналитически управляемые, беспредложные, предложные. По несколько видов имеется и среди сочинительных и аппозитивных сочетаний¹.

Нет сомнения, однако, что предложения всех трех типов являлись коммуникативными единицами и передавали сообщение о каком-либо явлении действительности. Между организационными центрами предложения возникали синтаксические отношения, совершенно отличные от подчинительных, сочинительных и аппозитивных отношений в сочетаниях слов, т. е. предикативные отношения, основным признаком которых, по мнению многих советских лингвистов, является соотнесение высказываемого с действительностью, что прежде всего связано с выражением утверждения или отрицания².

К египетскому предложению любого типа (несмотря на незнание нами интонации, которая со стороны формы предложения считается его важнейшим признаком) подходит без сомнения следующее развернутое определение: *«Предложение — это основная единица речевого общения (или основная коммуникативная единица речи), представляющая собой смысловое и интонационно оформленное грамматическое целое, выражающее отдельные, относительно законченные высказывания — сообщения о том или ином явлении действительности и отношение к нему»*³.

Но между предложениями указанных типов существовало большое различие в выражении категорий языка. Так, неглагольные предложения констатировали качество, состояние субъекта вне категории способа действия и тем более вне категории времени.

На семантической грани между неглагольными и глагольными предложениями находятся так называемые ложноглагольные предложения. Структурно предложения этого типа выглядят совершенно так же, как неглагольные предложения с адвербиальным сказуемым, но сказуемыми в них выступают инфинитив или форма качества и состояния.

¹ Н. С. Петровский. Сочетания слов в египетском языке.

² Ср., например, следующее определение: «Синтаксические отношения, связанные с выражением утверждения или отрицания, с направленным на окружающую действительность сообщением, называются предикативными — в широком смысле этого слова. Они типичны для предложения» («Грамматика русского языка». Т. II, ч. I. М., 1954. С. 12).

³ Е. В. Кротевич. Предложение и его признаки. Львов, 1954. С. 45.

В отличие же от предложений с адвербиальным сказуемым «ложноглагольные» предложения выражали действие, становление, движение (с инфинитивом) и передавали либо категорию неопределенности действия (предложная группа инфинитива), либо категорию предела действия (форма качества и состояния).

Следует отметить тот факт, что в египетских текстах бросается в глаза количественное превосходство неглагольных предложений, что без сомнения указывает на качественное преобладание в глубокой древности именных предложений.

В целом же номинативный характер древнеегипетского языка является, по нашему мнению, важным свидетельством происхождения египетских двусоставных предложений из подчинительных и других сочетаний слов. Попытаемся обосновать этот тезис более подробно.

Среди неглагольных (именных) предложений можно выделить⁴: 1) предложения с адвербиальным сказуемым; 2) предложения со сказуемым — именем существительным; 3) предложения со сказуемым — именем прилагательным; 4) предложения со сказуемым — причастием.

Из них наиболее распространенными являются предложения со сказуемым, выраженным либо «адвербиальным оборотом», т. е. предложной группой (именем существительным или местоимением-суффиксом с предшествующим им предлогом), либо наречием, например *škd 120 im.š* «120 корабельщиков в ней (ладье)», *rm.w im* «рыбы там». Структура этих предложений сводится к следующему: «Имя существительное (подлежащее) — предлог + имя существительное или наречие (сказуемое)». Если сказуемое выражено адвербиальной группой, то конструкция предложения структурно тождественна подчинительному сочетанию: «Управляющее имя существительное — предлог — управляемое имя существительное».

Следовательно, предложные словосочетания при каких-то определенных условиях трансформировались в двусоставные предложения, т. е. вышли за пределы словосочетаний, для которых характерна номинативная функция, и превратились в цельную единицу языкового общения и сообщения — коммуникативную единицу, сохранив ту же структуру. Сложнее решить вопрос о происхождении адвербиального предложения с наречием в качестве сказуемого. Такие предложения по структуре тождественны беспредложным словосочетаниям, в которых способом выражения синтаксической связи между членами являлось простое примыкание слов. Но в египетском языке можно выделить лишь адъективные и глагольные беспредложные словосочетания, так как субстантивное сочетание «имя существительное — наречие» всегда выступает как «предикативное сочетание», т. е. предложение, а не словосочетание. Поэтому лишь гипотетически можно предположить, что такие адвербиальные предложения произошли из субстантивных беспредложных словосочетаний.

Разумеется, предложения с адвербиальным сказуемым в ряде случаев отличались от предложных словосочетаний не только по функции и выражаемому грамматическим отношениям, но и по форме. Так, они могли иметь связку (вспомогательные глаголы *iw*, *wnn*). В некоторых случаях связка являлась совершенно необходимой при введении, например, подлежащего, выраженного местоимением-суффиксом. Без вспомогательного глагола использовалось в качестве подлежащего адвербиального предложения не субъектный вид местоимений («местоимения-суффиксы»), а так называемые зависимые местоимения — особый «объектный» вид личных местоимений (это ясно из их использования как беспредложных, прямых дополнений после переходных глаголов). Но в этом случае зависимое местоимение необходимо вводится неэнклитической частицей (утвердительной или отрицательной).

⁴ Подробнейшее и классическое исследование именных предложений принадлежит К. Зете (K. Sethe). *Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen // Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der kgl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1916. Bd. XXXIII, № 3. S. 1–106.* Но вопроса о происхождении этих предложений он не касается.

Рассмотрим теперь именное предложение со сказуемым-существительным [например, *pr.f pr it.f* «дом его — (это) дом отца его»]. Нам представляется, что происхождение двусоставных предложений этого типа совершенно иное. Их структура тождественна структуре одного из видов аппозитивного сочетания. Тесные аппозитивные сочетания, столь характерные для египетского языка, показывают, что синтаксические отношения между членами сочетания носили отождествительный или приравнительный характер. Поэтому в аппозитивном сочетании можно различить приравниваемый член и приравнительный член. Чаще приравнительный член следовал за приравниваемым (например, *tm it ntr.w* «Атум, отец богов»). Структурно предложения со сказуемым-существительным восходят к аппозитивным сочетаниям с постпозицией приравнительного члена.

Так же как и в случае с предложениями с адвербиальным сказуемым, для большего соотнесения с действительностью при превращении приравниваемого члена аппозитивного сочетания в подлежащее предложения использовался определенный вид личных местоимений — так называемые независимые местоимения (*ink, ntk* и т. д.).

Обычным порядком членов предложения со сказуемым именем существительным можно считать следующий: подлежащее — сказуемое (П—С). Но в некоторых случаях сказуемое предшествует подлежащему, когда, например, последним является указательное местоимение (ср. *dp.t mt nn* «вкус смерти это»). Такая структура предложений (С—П) показывает, что они восходят к аппозитивным сочетаниям иного, более редкого типа: с предпозицией приравнительного члена (например, *sn.f sth* «брат его Сет»).

Таким образом, можно думать, что в целом все собственно именное предложения (т. е. со сказуемым — именем существительным) происходят из аппозитивных сочетаний.

Тоже от словосочетаний, но, видимо, несколько иным путем образовались предложения со сказуемым — именем прилагательным. При трансформации словосочетаний в предложения здесь имела место инверсия членов словосочетания. Для любого подчинительного сочетания египетского языка характерен поступательный порядок слов, при котором зависимый член следует за независимым. Поэтому, когда имя прилагательное выступало в качестве зависимого члена морфологически согласованного словосочетания, т. е. определения, оно необходимо находилось в постпозиции (например, *ntr nfr* «бог добрый»). В качестве сказуемого имя прилагательное всегда выступает в препозиции (например, *nfr mtn.j* «хорош путь мой»). При этом у имени прилагательного исчезали показатели рода и лица, т. е. согласования.

Если подлежащее выражалось местоимением, то в этом случае употреблялся «объектный» вид местоимения — зависимое. Для усиления утверждения сказуемое — имя прилагательное могло сопровождаться частицей *wj*.

Что касается редкого типа предложения со сказуемым — именем прилагательным на втором месте после подлежащего — независимого местоимения 1-го л. ед. ч. (например, *ink nfr* «я добрый»), то такое предложение напоминает по конструкции предложение со сказуемым — именем существительным и произошло, видимо, из аппозитивного сочетания, так как в этом случае нет инверсии.

В конструкциях неглагольных предложений со сказуемым-причастием хорошо выражаются особенности причастия как «отглагольного прилагательного». Их существует два типа. В первом случае причастие действительного залога следует за подлежащим — именем существительным, введенным частицей *in*, или независимым местоимением (например, *ink š^cd dr.t.f* «(это) я отрубил хобот его»). Ясно видно, что конструкция этого типа предложения тождественна конструкции со сказуемым — именем существительным, в чем выразилась возможность субстантивации причастий, и поэтому структурно восходит к аппозитивному сочетанию.

В другой конструкции предложения (со сказуемым-причастием) подлежащее — имя существительное (или «объектное», зависимое, местоимение) следует за сказуемым-причастием (например, *h^cj šw* «радуется он»). Такая конструкция сходна в деталях с конструкцией предложения со сказуемым — именем прилагательным, т. е. в ней причастие

действительного залога реализует свои возможности как «отглагольное прилагательное». В этой конструкции причастие иногда сопровождается даже частицей *wj*. Это наводит на мысль, что своим происхождением такие предложения обязаны инверсии членов морфологически согласованного сочетания.

Предложения с «ложноглагольным» сказуемым, т.е. те, в которых в качестве сказуемого выступают либо инфинитивная предложная группа, либо форма качества и состояния, по своей структуре тождественны предложениям с адвербиальным сказуемым [например, *t3 hr mnmn* «земля двигалась»; *isw.t. n ij.t(j)* «команда наша вернулась»]. Поэтому нет сомнения, что все сказанное выше о происхождении предложений с адвербиальным сказуемым относится и к «ложноглагольным» предложениям. Одна конструкция структурно очень близка к предложным словосочетаниям, другая — к беспредложным. Следовательно, можно сделать вывод, что предложения с так называемым ложноглагольным сказуемым, как и предложения с адвербиальным сказуемым, восходят к подчинительным сочетаниям.

Конечно, отглагольное происхождение сказуемого наложило свой отпечаток на особенности предикативных отношений в предложениях с «ложноглагольным» сказуемым. Эти предложения не безразличны к выражению процесса, действия, качества как процесса. При инфинитиве для них характерно указание на действие, становление, движение, т.е. динамику без повторности, завершенности, предела. При сказуемом — глаголе в форме качества и состояния — передается предел, результат движения, состояния, качества, т.е. статичность действия. Следует добавить, что в качестве подлежащего (как и при адвербиальном сказуемом) могло выступать «объектное», зависимое, местоимение, которое тоже вводилось в этом случае неэнклитическими частицами. Предложения с «ложноглагольным» сказуемым могли иметь связку (вспомогательные глаголы *iw*, *wmn*), которая также в некоторых случаях была совершенно необходима для конструкции предложения.

Если о происхождении неглагольных и «ложноглагольных» предложений в египтологической литературе не существует каких-либо предположений (что естественно, если учитывать полную неразработанность теории о сочетаниях слов, с точки зрения которой только и возможно, как было показано выше, делать какие-либо сопоставления), то о происхождении глагольных двусоставных предложений (или форм личных местоименно-суффиксных спряжений, «финитных» глагольных форм) существует совершенно определенное мнение, выдвинутое в свое время египтологами берлинской школы и господствующее в настоящее время, что эти предложения произошли из именных предложений.

Однако на природу глагольной основы глагольных двусоставных предложений точка зрения изменялась. А. Эрман долгое время придерживался мнения, что в основе доминантных форм местоименно-суффиксного спряжения *šdm.f* и *šdm.n.f* лежит причастие действительного залога. Но в дальнейшем А. Гардинер и многие другие египтологи склонились к мысли, что глагол в этой форме по происхождению является причастием страдательного залога⁵. Это в какой-то мере объясняло употребление местоимения-суффикса как подлежащего указанных форм, так как одним из способов введения логического подлежащего (реального носителя действия) после причастий являлось его подчинение с помощью так называемого непосредственного родительного падежа (Direct genitive) или опосредствованного родительного падежа (indirect genitive).

Но, по нашему мнению, для столь сложных построений нет оснований, если даже и не учитывать, что сами по себе причастия являются вторичными образованиями, а пассивные причастия не могут выступать в качестве сказуемых именных предложений.

Более естественной представляется гипотеза, что главная форма древнеегипетского спряжения восходит не к «именному предложению», а, как и другие типы предложений, к «именному словосочетанию», точнее, к подчинительному сочетанию, которое мы называем

⁵ A. Erman. Ägyptische Grammatik. 4. Aufl. Berlin, 1928. § 277; A. Gardiner. Egyptian Grammar. 3rd. London, 1957. § 411. Add. 4 (P. 426); G. Lefebvre. Grammaire de l'égyptien classique. Le Caire, 1955. § 242.

аналитически соположенным, и внутренняя форма которого характеризуется следующими признаками: а) зависимый член следует непосредственно за независимым; б) зависимый член не согласуется с независимым; в) зависимый член в случае использования местоимения замещается местоимением-суффиксом; г) независимый член претерпевает фонетические изменения (в письменности они, разумеется, скрыты).

Действительно, структура формы *šdm.f* внешне ничем не отличается от структуры словосочетаний этого типа (ср., например, *nb.t pr* «владычица дома» и *šdm šš* «слушает писец»; *nb.t.f* «владычица его» и *šdm.f* «слушает он»).

Разница лишь в том, что в форме *šdm.f* в качестве сказуемого выступает глагол, а в аналитически соположенном словосочетании независимым (главным) членом является имя существительное. То же, что в словосочетании является зависимым членом, в «предикативном сочетании» выступает как подлежащее.

Поэтому, пожалуй, нет сомнения в том, что по происхождению «предикативное сочетание» — форма *šdm.f* восходит к подчинительному сочетанию. Образование этой формы относится, видимо, к той седой древности, когда не было разницы между именем существительным и каким-то сходным именем — названием действия (не сохранилось ли оно в египетском языке в так называемой глагольной форме отрицательного дополнения после отрицательных глаголов?), т.е. что по исходной функции «предикативное сочетание» тоже являлось номинативной единицей языка. Разделение словосочетаний и «предикативных сочетаний» могло произойти лишь тогда, когда у «названия действия» появились категории глагола и в первую очередь категории способа действия. Независимый (главный) член словосочетания — «название действия» превращается в глагол-сказуемое, а зависимый член — в подлежащее. Между членами сочетания прекращаются подчинительные отношения и возникают новые — «предикативные». Словосочетание в целом превращается в предложение — единицу коммуникации, но, благодаря общности происхождения, у обоих сохраняется тождественная структура.

Такому выводу не может препятствовать даже наличие формы *šdm.f* многократного действия, так как геминирующие глаголы находят себе соответствие в геминирующих именах существительных. Это вытекает из интересной попытки Э. Эделя классифицировать в староегипетском языке имена существительные по количеству корневых согласных. Среди них, как показал Э. Эдель, можно найти имена существительные, геминирующие вторую согласную (2 gem.), третью (3 gem.) и четвертую (4 gem.)⁶. Таким образом, геминация представляется как явление, свойственное, видимо, прежде всего именам существительным.

Ту же гипотезу можно высказать и о происхождении глагольной формы *šdm.n.f*. Структурно она соответствует словосочетанию, в котором независимым членом является имя существительное или местоимение-суффикс, управляемые предлогом *n*. Такая конструкция являлась одним из способов выражения принадлежности (ср. *n wr n.k ʿntjw* «не много у тебя ладана»). Глагольная форма *šdm.n.f* тоже, видимо, восходит к подобной конструкции («слушание для него», «слушание у него»).

Сложнее представить себе происхождение других форм личных местоименно-суффиксных спряжений действительного глагола: *šdm.in.f*, *šdm.hr.f*, *šdm.k3.f*. Вопрос упирается в происхождение формантов *in*, *hr*, *k3*. По этому поводу существуют две точки зрения. Одна из них возводит глагольную основу указанных форм тоже к причастиям страдательного залога, после которого предлоги *in*, *hr*, *k3* вводят логическое подлежащее. Но дело в том, что среди предлогов египетского языка нет предлога *k3*. Далее остается совершенно необъяснимым появление формантов *in*, *hr*, *k3* в виде префиксов перед формой *šdm.f*.

Другая точка зрения на указанные форманты, как нам представляется, более соответствует действительности. Ф. Лекса выдвинул гипотезу, что названные выше формы произошли от причастий страдательного залога и аномальных глаголов *i* «сказать», *hr* «возглашать», *k3* «думать, замышлять», из которых первый глагол выступает в форме *šdm.n.f*,

⁶ E. Edel. Altägyptische Grammatik. Roma, 1955/1964. § 221–224.

а другие — в форме *šdm.f*⁷. Ф. Лекса при этом остроумно сравнил конструкции *in.f šdm.in.f*, *hr.f šdm.in.f*, *k3.f šdm.in.f* (и *in šdm.in.f*, *hr šdm.in.f*, *k3 šdm.in.f*) с конструкциями со вспомогательными глаголами *ḥ* и *iw*.

Соглашаясь с гипотезой Ф. Лексы о происхождении *in*, *hr*, *k3* мы, однако, не видим каких-либо убедительных оснований считать, что основной глагол в этих формах восходит к причастиям страдательного залога. С точки зрения теории о сочетаниях слов и гипотезы Ф. Лексы о глагольном происхождении формантов *in*, *hr*, *k3* эти глагольные формы местоименно-суффиксного спряжения по происхождению представляют собой сочинительные сочетания двух «имен действия», из которых по крайней мере одно являлось независимым членом аналитически соположенного словосочетания.

Суммируя все сказанное выше о происхождении египетских двусоставных предложений, можно с большим правом выдвинуть гипотезу, что все типы египетских предложений произошли от сочетаний слов, в особенности подчинительных и аппозитивных. В этом, видимо, и были заложены основы «номинативности» египетского языка.

⁷ Fr. Lexa. Les participes indéclinables dans la langue ancienne égyptienne, II // Archiv orientální, 8, 1936. P. 210.